

«МУЖИЦКАЯ ПРАВДА» И ЕЁ НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОЕ НАПОЛНЕНИЕ

Гронский А. Д.

(Минск, Минская духовная академия)

В конце 50х гг. XIX в. на западных землях Российской империи началась подготовка к очередному польскому восстанию. Агитация против властей постепенно набирала обороты. Польские сепаратисты пытались охватить пропагандой все слои населения, в том числе и крестьян. Для этого в 1862 г. начался выпуск листовки «Мужицкая правда» (в оригинале «Mużyskaja prauda»). Её называли газетой, листовкой, воззванием, брошюрой и даже журналом, но по своей сути «Мужицкая правда» является именно листовкой. Как утверждал в 1921 г. А. Луцкевич, «“газетой” её считали потому, что агитационные листовки Калиновского [...] выходили систематически» [7, с. 102]. Более того, в 1933 г. А. Луцкевич сделал более резкое заявление о том, что листовки Калиновского «вообще с газетой не имели ничего общего», что «взгляд на “Мужицкую правду” как на газету далёк от объективной правды», и, более того, мысль о том, что «Мужицкая правда» является газетой, могла быть привлекательной лишь «для некоторых белорусских деятелей, далёких от научной работы и научного подхода к изучению нашего прошлого» [8, с. 311]. Авторами листовки считается Викентий Константин Калиновский, более известных современному читателю под вымышленным в начале XX в. именем Кастусь [подробнее о том, как появилось белорусское имя у польского повстанца см.: 2], с группой своих приверженцев (некоторые исследователи, например, Я.И. Трещенок считает В.К. Калиновского всего лишь возможным и не основным автором листовки [11, с. 132]). «Мужицкая правда» начала издаваться летом 1862 г. и просуществовала всего год, при этом вышло семь номеров, шесть из которых – до конца 1862 г., а последний – лишь летом 1863 г., когда восстание в Северо-Западном крае уже было практически подавлено. Листовка была рассчитана только на крестьян. Печаталась латинским шрифтом на гродненском диалекте с большим количеством полонизмов и призывала к борьбе против русских. Причём не только против русской администрации, а против всех русских. Листовка обращалась к крестьянам не с этнических позиций. В ней не

было упоминания, что местные крестьяне – белорусы или литвины. Подобных этнонимов в газете вообще нет. Единственное упоминание прилагательного «литовский» появляется в фразе «Король Польский и Литовский» («Мужицкая правда» № 2) [10, с. 127], что, несомненно, обозначает короля Речи Посполитой, упоминаемого в других случаях как «Король наш польский». Это доказывает только то, что газета обращалась к социальному слою – крестьянству, а не к этнической общности – белорусам. Именно поэтому нельзя заявлять, что «Мужицкая правда» была первой газетой именно белорусской. Тот факт, что она выходила на белорусском языке, не говорит о её белорусской направленности. В подтверждение этому можно привести пример из истории Великой Отечественной войны. Немецкие оккупационные власти тоже выпускали различные листовки и обращения к населению на белорусском языке, но делалось это по одной простой причине – немецкого языка население не понимало. Кроме того, на русском языке польские повстанцы обращались к местному населению не стали бы из принципа, а по-польски понимали далеко не все крестьяне. Таким образом, белорусскоязычная листовка была единственным выходом для распространения радикальных антиправительственных идей среди белорусского крестьянства. Причём идей польских, но никак не белорусских. «Мужицкая правда» затрагивала наиболее злободневные проблемы и указывала на русских как на силу, которая эти проблемы создавала.

Современные исследователи считают, что «Мужицкая правда» выпускалась на территории Гродненской губернии, некоторые настаивают, что типография была в Вильно, поскольку именно там был центр оппозиционного русскому правительству движения в Северо-Западном крае. Однако, по донесениям секретных агентов, работавших на органы российской государственной безопасности, «Мужицкая правда» печаталась на территории этнической Польши, скорее всего, в Варшаве [10, с. 141]. Ещё одним возможным местом указывался Белосток, но местная жандармерия, опираясь на сведения секретных сотрудников, утверждала, что листовки доставляются в Белосток из Варшавы [10, с. 142]. То, что «Мужицкая правда» печаталась в Варшаве, указывают ещё и такие факты, что в некоторых местностях она появлялась после приезда местных дворян из польской столицы, и распространялась именно ими. Кроме того, если проследить распространения листовок, то оказывается, что их находили на обширной территории: в Белоруссии, Польше, Литве, Латвии и даже северо-западе этнической России, но больше всего листовок найдено в пограничной с Польшей Гродненской губернии. В книге Г. В. Киселёва «З думай пра Беларусь» указываются некоторые административные территории, на которых находили «Мужицкую правду». В основном

это Гродненская губерния [6, с. 5-67]. Причём, первые экземпляры появились именно в тех населённых пунктах, которые располагались вдоль польской границы. По сведениям политической полиции листовки доставлялись из Варшавы в Гродно по железной дороге, а дальше могли расходиться по всей территории Гродненской губернии и за её пределами. О постоянной перевозке по железной дороге агитационной литературы и даже оружия было известно властям, но по причине того, что практически вся железнодорожная администрация состояла из поляков, русское правительство не могло пресекать подобные перевозки [1, с. 141]. Таким образом, на основе вышеприведённых фактов можно выдвинуть тезис, что «Мужицкая правда» была инспирирована из Варшавы, а участие в этом проекте К. Калиновского и других представителей Северо-Западного края было необходимо, поскольку они лучше знали местные особенности. Я. И. Трещенок выдвинул предположение, что «Мужицкая правда» сначала была написана по-польски, а потом переведена на белорусский [11, с. 132]. Это можно подтвердить и тем, что листовка печаталась в Варшаве, а для того, чтобы она прошла цензуру у кого-то из руководителей варшавской повстанческой организации, текст должен был быть написан по-польски. Кроме того, было доказано, что написанные по-белорусски подобные «Мужицкой правде» листовки, например, «Гутарка старога дзеда» именно так и появились [12, с. 88].

Также крестьян должно было насторожить то, что автор из-под Вильны, как подписывался Калиновский, использовал в своей пропаганде диалект не Виленщины, а соседней Гродненщины. И к тому же текст печатался латинским шрифтом, что затрудняло его понимание православными крестьянами, привыкшими, если они были грамотными, к кирилличному шрифту. Также некоторые шляхтичи-пропагандисты объясняли крестьянам Восточной Белоруссии, что газету написал поляк Ясько, и печатается она в Польше [6, с. 47]. Это ещё одно доказательство того, что никакой белорусской идеи листовка не несла.

Кроме того, автор или авторы газеты всё же являлись шляхтичами, именно поэтому попытка писать крестьянским языком оказалась провальной, провозглашавшиеся там притеснения порой были надуманы [4, с. 175]. Шляхтичи, как бы ни старались скрыть своё происхождение, всё равно выдавали его, поскольку не знали хорошо ни крестьянского языка, ни крестьянского разговорного языка, ни некоторых элементов крестьянского поведения. В результате чего агитация в поддержку польского восстания не производила на крестьян впечатления, а наоборот, настораживала их [6, с. 41 – 42]. Крестьяне даже если и читали листовку, то не очень понимали её смысл, так как говорили они немного по-другому, а язык, использовавшийся в газете, заставлял их думать, что писал не крестьянин,

а человек образованный, не вышедший из крестьянской среды и не знавший очень хорошо крестьянского быта. Язык «Мужицкой правды» был попыткой интеллигенции подстроиться под крестьянское произношение. Поэтому призывы «Мужицкой правды» так и остались призывами.

Примечательно, что ни в одном выпуске «Мужицкой правды» не поднимался вопрос национальности крестьян, к которым была обращена листовка. Этот вопрос обходится стороной. Возможно потому, что сами крестьяне не определяли себя по этническому признаку. Если они маркировали себя по вероисповедному принципу, то делились на поляков и русских. Но польские повстанцы не могли обращаться к православным крестьянам как к русским, поскольку это выглядело бы как неудачная попытка втянуть русских в борьбу против своих же, и сразу же показывало, что белорусские крестьяне стоят намного ближе к великорусам, чем к полякам. Если же национальность заявлялась как поляки, тогда возникал вопрос веры, все поляки – католики, а переходить католикам из православия в униатство попросту глупо. Поэтому вопрос национальности на страницах «Мужицкой правды» не поднимался. Только лишь в «Письме Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской» К. Калиновский открыто объявил белорусских крестьян поляками [5, с. 241-242], но это уже был жест отчаяния, поскольку летом 1863 г. было окончательно ясно, что восстание потерпело поражение.

С другой стороны «Мужицкая правда» декларировала свои социально-политические предпочтения в неприязни к помещикам и российскому императору. Хотя единение крестьян с помещиками допускалось при условии, если помещики будут учитывать интересы крестьян. По отношению же к императору высказывались однозначно негативные суждения. Однако идеологические воззрения белорусских крестьян того времени были направлены против помещиков, а «Мужицкая правда» предлагала варианты сотрудничества с ними. Что же касается отношения крестьян к верховной власти и, в частности, к императору, то оно продолжало оставаться сакральным, крестьянству того периода был свойственен наивный монархизм [9, с. 153]. Император являлся для крестьян символом закона, «правильного» устройства миропорядка, полностью позитивным явлением, а «Мужицкая правда» проповедовала совершенно обратное отношение к российскому императору, который в 1861 г. освободил крестьян от крепостной зависимости. Кроме того, в последствии, то есть в течение 1863 г., реальное облегчение участи крестьян пришло не от повстанцев, а именно от имперских властей (закон от 1 марта 1863 г. уничтожение выкупных платежей 1 мая 1863 г., вооружение крестьян для противодействия грабегам деревень повстанческими отрядами, денежные выплаты за поимку повстанцев и

находки тайников с оружием и т.д.), что ещё больше уверило крестьян в позитивности императорской власти.

Кроме антирусского направления газета несла в себе ещё и антиправославное. Причём отношение к православию было достаточно радикальным. Униатская карта разыгрывалась осознанно. Повстанцы хотели найти как можно больше отличий между населением Северо-Западного края и центральных российских губерний. А поскольку у великорусов и большей части белорусов была одна общая вера – православие, то нужно было создать определённую оппозицию, чтобы разграничить крестьян на неправославных «своих» и «чужих».

В «Мужицкой правде» православие подвергается не только критике, но и откровенным нападкам и оскорблениям. Судя по всему, авторы не очень хорошо представляли, как логически можно объяснить свой призыв к белорусским крестьянам о переходе их в униатство, поэтому решили попросту скомпрометировать православие путём навешивания на него различных негативных ярлыков. В листовке православие называется схизмой и собачьей верой, всем православным авторы угрожали вечными мучениями на том свете. Этот тезис прослеживается практически во всех номерах «Мужицкой правды» [См., например, 10, с. 124-133].

Листовка пыталась играть на религиозных чувствах крестьян, поскольку крестьянство являлось достаточно религиозным слоем населения. Интересен факт, что листовка, печаталась на гродненском диалекте, а предназначена была в основном для крестьян Восточной и Центральной Белоруссии, поскольку призывы переходить в униатство касались православного населения, а Гродненщина была достаточно католической. Это ещё один момент, который подтверждает то, что крестьяне не воспринимали «Мужицкую правду» как «свою» листовку, написанную крестьянином.

Примечательно, что в «Мужицкой правде» нет ни одного упоминания о католиках. Складывается ощущение, что среди крестьян их вообще на территории Белоруссии не существовало. Это ещё одно доказательство антиправославного и антирусского направления листовки, поскольку католики, по мнению руководителей восстания, должны были априори поддерживать восстановление католической Польши. Опять же из данного расклада становится ясно, что ни о каком самоопределении белорусов речи не шло, так как агитация предназначалась только для белорусов-православных, а белорусы-католики могли спокойно оставаться католиками, хотя, если белорус должен был быть униатом, то католические крестьяне-белорусы по всей логике вещей также обязаны были бы перейти в униатство.

«Мужицкая правда» нападает на православие, в то время как

подавляющая часть белорусских крестьян являлись православными. Конечно, большинство из них в недавнем прошлом были униатами, но с того момента прошло уже более 20 лет. Молодое поколение крестьян не переживало опыта перехода в другую веру. Оно могло судить об униатстве лишь по рассказам старших, поэтому белорусская крестьянская молодёжь не несла в себе идею возвращения непонятной для неё и не утерянной ей униатской веры, что могло наблюдаться у некоторых представителей старшего поколения. В восстании же в основном принимала участие молодёжь, что дало повод дореволюционному исследователю А.И. Миловидову называть восстание 1863 – 1864 гг. «мятежом детей» [3, с. 228]. Для крестьянской молодёжи 60х гг. XIX в. униатство не несло сакрального смысла и не являлось той идеей, к возвращению которой нужно было стремиться. Именно поэтому антиправославная агитация не имела под собой серьёзной почвы и была скорее наивной попыткой сплотить будущих польских подданных в единый монолит с помощью религии. Причём, исходя из соображений польского повстанческого руководства, с православием нужно было бороться жёсткими методами, поскольку в случае возрождения Речи Посполитой православная Россия постоянно бы имела среди её православных подданных своих союзников, что создавало бы проблемы сепаратистских движений и давало бы возможность вмешиваться во внутренние дела под знаменем защиты единоговерного населения, что уже произошло в конце XVIII в. и вылилось в разделение Речи Посполитой между соседними государствами. Страх возможности антигосударственных движений в будущей Польше со стороны православного населения объяснялся и тем, что представители польско-католических кругов постоянно занимались этим в составе Российской Империи и, судя по всему, представляли любое сепаратистское движение именно в таком ключе.

Авторы «Мужицкой правды» исходили из своих идеологических соображений и были уверены, что такими же категориями должны мыслить и крестьяне, к которым были обращены их послания. Они пытались связать социальный статус крестьянина с исповедованием униатства. По их маркировке лишь крестьянин-униат был законным жителем края, кроме того, этот крестьянин должен был с ненавистью относиться к великорусам. Только такое поведение давало возможность вернуть Речь Посполитую, которая, по утверждению авторов «Мужицкой правды», была самым идеальным местом существования крестьян.

Под именем Яськи-гаспадара из-под Вильно известен ещё один документ – «Письмо Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской», написанное на белорусском языке и распространяемое в пределах Белоруссии. Письмо выдержано в той же стилистике, что

«Мужицкая правда», но более конкретно определяет политические предпочтения автора. В нём чётко прописано то, что население Белоруссии живёт на польской земле, ест польский хлеб и является поляками [5, с. 241-242]. Авторство этого послания белорусские историки установить пока не берутся. Исходя из подписи и особенностей печатного слова, предполагаемым автором является К. Калиновский. Однако историк Г.В. Киселёв утверждал, что авторство К. Калиновского сомнительно, поскольку он не мог исповедовать подобные мысли. Других весомых доказательств того, что К. Калиновский не писал это воззвание, нет. Судя по печати на сохранившемся воззвании, оно было напечатано в варшавской типографии. Произошло это летом 1863 г. В этот же период вышел седьмой номер «Мужицкой правды», который был написан не на гродненском, а на брестском диалекте. На основании этого можно предположить, что седьмой номер листовки готовил не К. Калиновский, а кто-то другой. Если учесть, что «Письмо Яськи-гаспадара к мужикам земли Польской» вышло в это же время, то его выход можно рассматривать как реакцию К. Калиновского на седьмой номер «Мужицкой правды», к которому он, судя по всему, не имел отношения. Тем более, что Центральный Национальный комитет к тому времени признал его как руководителя Литвы, поэтому у амбициозного двадцатилетнего диктатора не было резона вступать в конфликт с варшавским руководством. Авторство К. Калиновского «Письма к мужикам земли польской» подтверждает и тот факт, что в первых шести выпусках «Мужицкой правды» хотя и не столь явно, но прослеживается такое же наполнение, что и в «Письме Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской». Например, в «первой белорусской газете» нет ни одного упоминания ни о белорусах, ни о литвинах, но постоянно подчёркивается, как хорошо крестьяне жили в период существования старой Польши, что короли польские заботились о своих подданных, не эксплуатировали крестьян. Примерно те же слова можно найти и в письме польским мужикам.

Вызывает интерес, что в «Письме Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской» к крестьянам апеллируют не только как к бывшим униатам, но в первую очередь как к нынешним полякам. Неэффективность антиправославной пропаганды стала достаточно понятна, поэтому пришлось звать к «этническим корням», убеждать, что белорусские крестьяне – поляки. Убеждение строилось на достаточно простой логике: «по польской земле ходим, польский хлеб едим», то есть К. Калиновский считал белорусские земли польскими, что полностью не соответствует тому образу белорусского национального героя и первого белорусского националиста, который создала из него белорусская историческая школа. Эта, не имеющая под собой серьёзного фактического

основания идея, продолжает циркулировать в среде белорусских, а также части зарубежных историков и поныне.

Последним белорусскоязычным произведением К. Калиновского стали так называемые «Письма из-под виселицы», где он прощался с крестьянами, призывая их к образованию и борьбе против великорусов и православия. Белорусский язык данного послания, судя по всему, можно объяснить лишь тем, что шляхта, начавшая с прибытием в Вильно М.Н. Муравьёва верноподданническую кампанию, разочаровала и так не жаловавшего её диктатора Литвы и Белоруссии, который свято продолжал верить, что единственной социальной группой, которую можно заставить жить по «правильным» идеям было крестьянство. Возможно, это было лишь желание создать эффект последнего жеста и остаться в памяти народа. Однако этого не случилось, и народная память до сих пор не создала каких-то значимых образов «своего героя».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные материалы муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863 – 1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. – Вильно, 1915. – 466 с.
2. Гронский, А.Д. Формирование и функционирование мифа о Кастусе Калиновском в начале XX в. // Новая экономика. – 2013. – № 2 (62) октябрь. – С. 413 – 423.
3. Гулюк, М.А. Дореволюционная историография о правительственной политике по подготовке педагогических кадров в Виленском учебном округе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. У 3 ч. Ч. 1. – Мн., 2003. – С. 226 – 231.
4. Калиновский К. : Из печатного и рукописного наследия. – Минск: Беларусь, 1988. – 208 с.
5. Каліноўскі, К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы / Уклад., прадм., паслясл. і камент. Г. Кісялёва. Мінск: «Беларускі кнігазбор», 1999. – 459 с.
6. Кісялёў, Г. З думай пра Беларусь: Даследаванні і знаходкі з гісторыі беларускай літаратуры і рэвалюцыйнага руху другой паловы XIX стагоддзя / Г. В. Кісялёў. – Мінск: Беларусь, 1966. – 320 с.
7. Луцкевіч, А. З-пад пылу архіваў // Луцкевіч А. Выбраныя творы: праблемы культуры, літаратуры і мастацтва. – Мінск: Кнігазбор, 2006. – С. 102 – 103.
8. Луцкевіч, А. Праўда аб «Мужыцкай праўдзе» // Луцкевіч А.

- Выбраныя творы: праблемы культуры, літаратуры і мастацтва. – Мінск: Кнігазбор, 2006. – С. 311.
9. Панютіч, В. П. Істориографія аграрнай історыі Беларусі 1861 – 1917 гг. (ісследованія 1990-х гадоў) // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі і гісторыі: Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. У 3 ч. Ч. 1. – Мн., 2003. – С. 151 – 155.
 10. Рэвалюцыйны пад'ём у Літве і Беларусіі ў 1861 – 1862 гг. – С. 127.
 11. Трещенко, Я. И. История Беларуси. Ч. 1. Досоветский период: Учебное пособие. – Могилёв: МГУ имени А. Кулешова, 2003. – 176 с.
 12. Хаўстовіч, М. «Цяпер маскаль п'яе мудрагелікі свае» // Спадчына. – 1999. – № 5 – 6. – С. 86 – 105.